

55-летию Великой Победы посвящается

ПОЛКОВНИК Кобаяси не уставал напоминать своим солдатам в Хандасе, что они держат в своих руках «замок от Ка-рафуто».

«Надо сбить этот замок и открыть двери в Южный Сахалин», — сказал генерал капитану Григорию Светецкому.

— Умру, но Хандаса взвозу.

Генерал улыбнулся, подошел к Светецкому, положил ему на плечо руку.

— А как же академия? Вы же после войны в академию, капитан, собирались?

Дьяконов прошелся по комнате, легким движением руки отдернул занавеску. Светецкий увидел огромную карту во всю стену, с множеством рек, лесных троп и горных распадков. Во всех мельчайших подробностях была вскрыта оборона противника. Харамитогский укрепленный район, который так старательно маскировали японцы, оказался вывернутым наизнанку. Сплошная цепь долговременных огневых сооружений проходила по склонам Камышового хребта до Котона. Гора Харамитоги была сплошь усеяна артиллерийскими позициями. Все господствующие над местностью высоты японцы превратили в крупные узлы сопротивления с круговой обороной. Опорный пункт Хандаса был аванпостом Харамитогского укрепленного района.

Как мало, оказывается, видел Светецкий со своей высоты Острой. План атаки Хандаса, который он вынашивал, теперь явно не годился. Нужен был новый план.

Генерал взял карандаш, и справа от Хандаса охватил двумя сходившимися стрелками опорный пункт Муйка. Здесь должна была закончиться выполнение

ближайшей задачи часть Кудрявцева. Жирная красная стрела, обозначающая главное направление удара, нацеливалась на Хандаса с северо-востока. На острие этой стрелы генерал написал цифру «2». Это был номер батальона капитана Светецкого.

— Мы не можем обходить этот опорный пункт и оставлять его в тылу, — сказал в заключение генерал.

— До тех пор пока японцы будут сидеть в Хандасе, нечего думать о вводе в бой танков и нормальном снабжении войск. Хандаса закрывает нам единственную дорогу на юг, надо ее расчистить...

* * *

11 августа 1945 года. Глушко шумел пограничный лес. Разведчикишли там, где много лет не ступала нога

она перешел границу. Низкие пограничные столбики, установленные несправедливым захватчиком, остались позади. Гул артиллерийской канонады гремел над Поронайской долиной. Так начался день 11 августа. Первыми поднялись и начали перебежки по густой траве стрелки капитана Фарафонова. Густой туман, поднявшийся над рекой, надежно скрывал их от противника, но вот туман стал рассеиваться, впереди уже вспыхивали траншеи решал судьбу боя.

— Ползти до самых траншей, — приказал Фарафонову Светецкий. — Сохранять силы для броска.

— Но ведь до траншеи еще метров 300-400, — послышался в трубке приглушенный голос Фарафонова.

— Приказываю — ползи, — строго сказал Светецкий.

трехамбразурный дот. «Кукушки» — корректировщики наводили на батальон огонь батарей Харамитогского укрепленного района.

«Надо предпринять фланговую атаку», — решил Светецкий. — Иначе так под огнем противника только людей теряем». Он решил прибегнуть к маневру. Знал, как на фронтах Отечественной войны вовремя проведенный маневр решал судьбу боя.

— Кондрахин, бей с фронта во всю силу, — приказал Светецкий.

Вскоре огонь японцев на флангах стал слабеть. По скрытым ходам сообщения они стали выдвигать своих солдат для защиты опорного пункта с фронта. Кондрахин со своими стрелками, поддерживаемый огнем артиллерии, буквально вгрызся в японскую обо-

зы, на которой были обозначены дзоты, доты, окопы, траншеи и заграждения Харамитогских укреплений. По этим документам было установлено, что разведчики уничтожили начальника штаба и начальника инженерной службы 125-го японского полка.

Успешно действовали наши воины и на вспомогательных направлениях. По побережью Татарского пролива (от Пильво до Амбецу) двигались отряды пограничников и отдельная стрелковая рота; по восточным склонам Камышового хребта прибирались отряды майора Д. С. Трегубенко. 179-й стрелковый полк наступал по бездорожью. Он не рассчитывал ни на танки, ни на артиллерию. Минометы приходилось тащить только волоком. Солдаты двигались в пойме Поронайской долины по маршруту Муйка — Котон по пояс в болотной воде. Каждый шаг вперед стоил огромных усилий.

В авангарде полка шел батальон капитана Смирных. Взвод этого батальона, которым командовал лейтенант Хисматулин, внезапно для противника ворвался в опорный пункт Муйка и подавил его. В боях за Котон погиб капитан Смирных, всегда находившийся в самом пекле: ходил на штурм, в разведку боем, не раз участвовал в рукопашной схватке. Его бесстрашие восхищало и воодушевляло солдат. Погиб он от пули японского снайпера, сидевшего на дереве. Именем Смирных теперь назван город на Сахалине. Как и именем Антона Буюкли, тоже Героя Советского Союза.

При освобождении Котона страшную картину увидели воины: все раненые советские солдаты были зверски истерзаны — у некоторых отрезаны уши, выколоты глаза, многие обезглавлены.

— Мы вели с собой пленных японцев, кормили их, берегли, а они — звери! — с гневом говорили наши воины.

В ходе боев были найдены противоядия от некоторых японских «сюрпризов». «Кукушки» (часто переодетые в форму советских воинов), сидевшие на деревьях (одним из них в спину был убит капитан Смирных), уничтожались артилеристами, осыпавшими верхушки деревьев шрапNELью. Сопротивление дотов подавлялось с помощью замечательного нашего танка Т-34. Неуязвимый для огня японцев, он подходил к доту и вел огонь по бойницам. Дот быстро заходил.

Бойцы знали, что если сражен, к тебе обязательно подползет сестричка, перевяжет, перетащит в укрытие. Если сама не осилит тебя перетаскивать, то попросит медбрата.

Задумайтесь: есть ли в мире языки, подобный русскому, где незнакомого человека мы называем «сынок», «дядя», «тетя», «братья», «отец», «мамаша»? Наш язык, пусть порой грубоватый, откровенный, — это язык соплеменника, родича. И на помощь тебе приходит член большой семьи. Подобного нет нигде в мире. Японцы потому и старались уничтожать санитаров, что это сестры бойцов.

Ю. ДЬЯКОНОВ

Глава четырнадцатая

ОСВОБОЖДЕНИЕ ЮЖНОГО Сахалина

русского человека. Испуганные птицы летали над головами. Окопы японцев на высотах Лысая и Голая были захвачены внезапным одновременным налетом. По лесу прокатилось только эхо нескольких винтовочных выстрелов, дробно прозвучавших, и потом снова все стихло. Светецкий позвонил «сверху»:

— На высотах, захваченных разведчиками, установлены наши орудия. Действуйте.

Стрелки часов показывали ровно 10 часов, когда Светецкий во главе баталь-

и стрелки ползли по болоту, по кустарникам. Когда до японцев осталось несколько десятков метров, капитан Фарафонов поднял стрелков в атаку, стремительным броском преодолел обстреливаемое пространство и захватил участок траншеи. Но японцы предприняли сильную контратаку. Тогда Светецкий ввел в бой пятую роту, которая, совместно с шестой, очистила траншеи от противника.

Враг предпринимал ожесточенные контратаки. Из Хандаса стал бить новый

рону. Бой перешел в критическую fazu, чаши весов колебались.

По приказу Светецкого пятая и шестая роты обогнали лесом опорный пункт японцев и атаковали его с тыла. Ожесточенно сопротивлялся японский гарнизон. Но стрелки Светецкого во взаимодействии с артиллерией и танками уже вели бой в глубине обороны японцев. Фарафонов долносил, что взял штурмом три дота. Взвод лейтенанта Шуклюкова, действуя на левом фланге, при поддержке противотанковых орудий, захватил несколько пулеметных дзотов. Над Хандаса повисло густое облако дыма. Победа!

Свой командирский пункт капитан Светецкий перенес на обочину дороги к югу от Хандаса. Он слышал, как, тяжело урча, взвирились на крутом береге реки наши танки. Набирая скорость, они шли на Котон. Приложившись по привычке к трубке телефона, Светецкий смотрел на грохочущие танки и понимал, что решил трудную задачу: своим батальоном открыл дорогу танкам на Южный Сахалин.

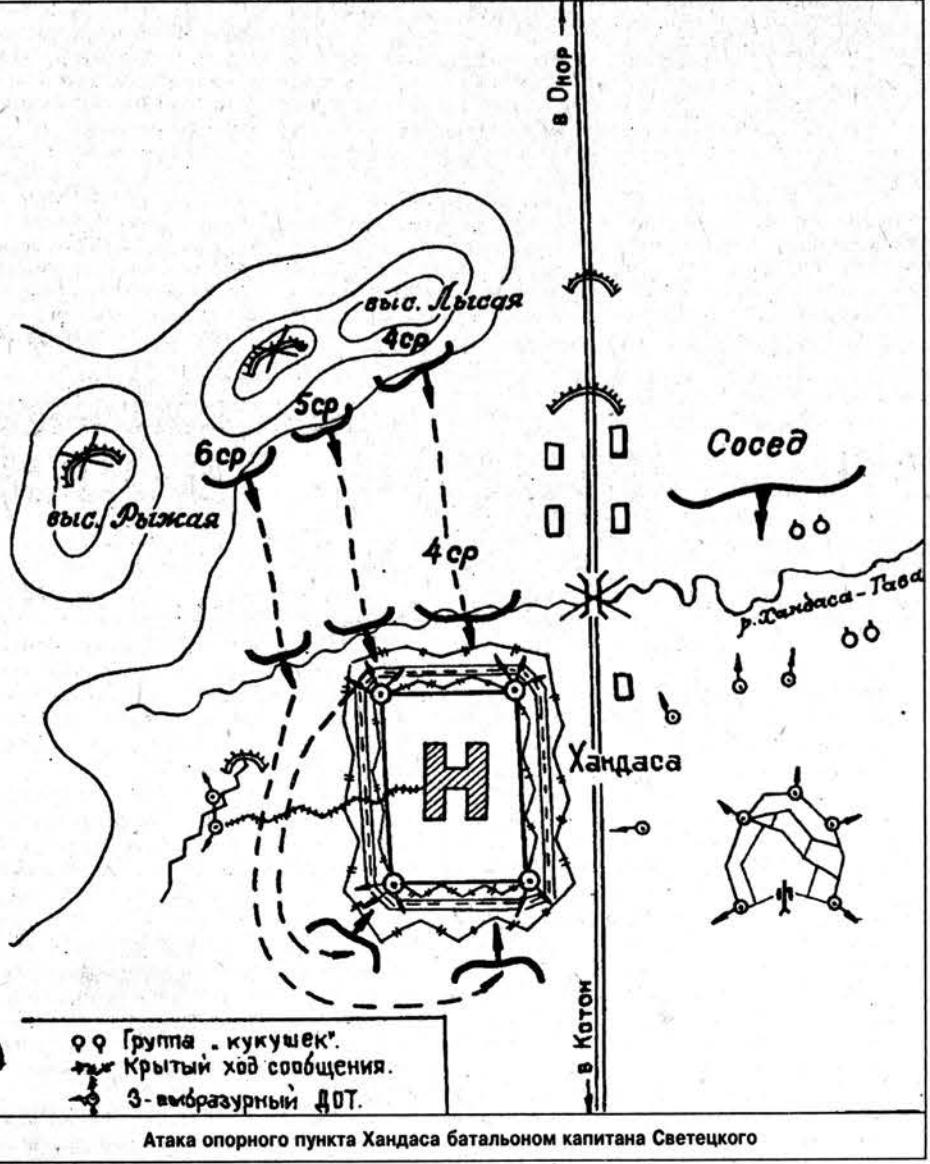
— Что это вы, оглохли? — спросил знакомый голос. — Звоню, звоню вам, и все без толку.

Светецкий поднял голову и увидел наклонившегося над ним генерала. Быстро вскочил и, оправив гимнастерку, в грохоте проходивших танков произнес слова рапорта.

— Ничего не слышу, — улыбнулся генерал. — Зато все вижу. Благодаря вас за службу, капитан Светецкий.

Войска возобновили марш, хотя кое-где раздавались одиночные выстрелы японцев. На привалах командиры подразделений обращали внимание на ошибки, допущенные в первый день боя. Солдаты не всегда использовали складки местности для быстрейшего сближения с противником, нередко злоупотребляли перебежками во весь рост вблизи противника вместо переползаний.

Лейтенант Овчарик и сержант Мутовин пробрались на разведку Харамитогского укрепленного района и заметили двух японских офицеров, которые начали осматривать местность в бинокль. Овчарик с двумя бойцами по кустарнику подползли к японцам и забросали их гранатами. Уби-

Продолжение.
Начало в «МГ» за 21 апреля.